

С «Мэйсоном»
из американского
сериала
«Санта-Барбара».

С главным режиссером
театра «Современник»
Галиной Волчек.

С Махмудом Эсамбаевым
и Борисом Бруновым.

В мастерской Зураба
Церетели в Тбилиси
с Нани Бреговдзе.

Встреча для вас

прилетели, разгрузились, смонтировали, отрепетировали. А одновременно — обедали, гладились, гримировались, переодевались. Когда есть команда, совместно работающая много лет, то и любая экстремальная ситуация дает свой предсказуемый эффект. Все успевают, никто не ноет. И наш концерт, конечно же, начался вовремя. И была общая радость, общее воодушевление. Все артисты знают, что нет более благодарной публики, чем нефтяники и газовики. А в этом концерте было такое единение артистов и зрителей, что если б не лимит времени, мы бы не разошлись до утра.

— Люба, поскольку ты являешься еще и режиссером Московского Государственного фольклорного центра «Русская песня», то объясни мне, почему фольклорные коллективы сегодня не собирают публику точно так же, как эстрада?

— Почему же? Просто у каждого артиста свой зритель, своя сценическая площадка. А зал имени Чайковского — всегда полон. И это — традиционная площадка фольклорных коллективов. Просто об этом редко пишут, мало уделяют телевизионного времени.

С Надеждой Бабкиной и ансамблем «Русская песня» мы сделали пять сольных программ и фестиваль «Казачий круг». И каждый раз — переполненный зал. И каждый раз в свои сольные программы Н. Бабкина приглашает тот или иной фольклорный коллектив из региона. Она для артистов фольклорных жанров — как мессия. Помогает им заявить о себе, стремится успеть «поставить их на табуреточку». Ведь нет более живородного, более искреннего и объединяющего искусства, чем фольклор.

Мне вспоминается фестиваль российского кино в Каннах в 1998 году. Я была режиссером культурной программы. И, как в былые времена, заказ от французской стороны был типичен: фольклор, дети, цыгане, солдаты, классика. Причем, именно в этой последовательности. Задача была — сломать стереотипы «рашен-балалашен», даже при всем том, что этот «джентльменский набор» составил афишу фестиваля.

Первое, что мы сделали, — пригласили всех на открытие фестиваля не в зал и не в ресторан, а в русскую православную церковь, где после службы ансамбль «Русская песня» буквально потряс всех исполнением духовной музыки. А затем над городом поплыл малиновый звон (это приглашенные нами на фестиваль звонари Ваничевы из Самары заставили «заговорить» колокола церкви, которые молчали 75 лет!). Представляешь, какой это был шок? Все готовились к русской «папуасии» с топотушками, а прикоснулись к божественной, одухотворенной России. Дальше нужно было «удержать» этот интерес. Невероятными усилиями нам удалось получить у властей города разрешение на выступление на прославленной каннской лестнице. Под утро, когда курортный город еще спал, мы пришли туда репетировать. Нужно было, сохраняя хореографию программы, перенести ее в условия этой лестницы. Ты когда-нибудь видел лирический хоровод, где каждый следующий шаг — ступенька?.. Честно

скажу, никто не верил в эту затею. Народу собралось видимо-невидимо. Успех был грандиозный, но в памяти осталось не то, как отплясывала вместе с артистами залихватскую кадрили вся площадь, а то, как эта площадь, обнявшись, застыла, внимая «Вечернему звону» и «Утру туманному». Песни исполнялись а *carrella*. *Pianissimo* соединилось с шумом моря. Люди зажгли свечи и зажигалки, стояли, как в храме, и плакали. Я это видела. Рядом с площадью проходит автомобильная трасса. Чтобы шум машин не мешал, кто-то на несколько минут перекрыл движение. И город застыл, внимая высокому русскому искусству.

После такого выступления разве придет в голову усомниться, что у фольклорных коллективов нет публики?

— Мы с тобой поговорили и об эстрадных, и о фольклорных жанрах. Но я знаю, что который год подряд тебя признают лучшим режиссером показов моды. Ты — главный режиссер Недели Высокой Моды в Москве. А это вроде бы не совсем похоже на концертные постановки. Как это все в тебе соединяется?

— Много лет назад я впервые увидела по телевизору фильм о Пьере Кардене. Три платья из его коллекции демонстрировала Майя Плисецкая. Это не был балет. Это не был показ в его традиционных формах. Это было соединение души и тканей. И мне захотелось привнести в наши показы нечто подобное. И так случилось, что в это время Валентин Юдашкин создавал коллекцию «Екатерина Великая». Он доверил мне ее постановку. Я измучила манекенщиц репетициями, добиваясь необходимой походки, осанки, взгляда. И получила то самое соединение: на подиум выходили современные девушки в современных одеждах, но несущие в себе память веков. С тех пор я работаю над коллекциями с точки зрения их внутреннего содержания, а не внешних спецэффектов, хотя и они важны в любом показе. Высшей оценкой прошедшей в ноябре Недели Высокой Моды в Москве было признание выдающегося французского кутюрье Пако Рабанна. Он сказал, что шоу в Москве было лучше, чем его показ в Париже.

— А какое у тебя увлечение?

— Мое хобби — одиночество. Это те желанные минуты, когда накопленная энергия не перекачивается от человека к человеку, а растворяется в каких-то других измерениях. А потом возвращается. Обновленная. Очищенная. Это редкие минуты, когда слушаешь самую великую музыку — тишину.

— А что ты любишь и не любишь?

— Люблю профессионалов. Воинствующих дилетантов сейчас развелось видимо-невидимо. Сами себя нарекают звездами. Сами себе придумывают должности. Когда-то смежность профессий очень поощрялась. Так народились специалисты «околовсяческих наук». А я за то, чтобы каждый отвечал за свое дело, совершенствовался соответственно быстротечному времени и не останавливался на достигнутом.

Все только начинается.

Беседу вел НИКОЛАЙ ДОРОШЕНКО
Фото из архива Любови Гречишниковой